

Михаил Минаков

Сотрудничество и конкуренция между организациями гражданского общества, правящими элитами и олигархами после Майдана 2013-2014 гг.*

Майдан 2013-14 годов был временем, когда восставшие украинские граждане активно занимались политическим творчеством. Тогда возникли формы самоорганизации, которые позволили выстоять восставшим в борьбе с авторитарным клептократическим режимом, но после Майдана привели к амбивалентной ситуации. С одной стороны, новообразованные, доказавшие эффективность в уличном противостоянии организации гражданского общества (ОГО) удержали Украину от полного распада в феврале – апреле 2014 года. Они добились этого, взяв в кратковременной перспективе на себя доселе монопольные функции государства по противодействию российской интервенции, политическому кризису и сепаратизму. Эмансипированное гражданское общество не позволило Украине стать несостоятельным государством. С другой стороны, отобрав у правительства часть исключительных полномочий, пост-майданные ОГО создали системные препятствия для надлежащего отправления власти правительством. Тем самым, в среднесрочной перспективе, Украина может опять подойти к пропасти государственной несостоятельности.

В комплексной модели государство описывается как набор институтов, выполняющий набор эксклюзивных функций¹. Две из них находятся в основании государства: монополия на легитимные формы насилия и на административный контроль. Первая монополия включает в себя три функциональных процесса: «Во-первых, установлена монополия на средства ведения войны и применение силы. Во-вторых, установление легитимного порядка, необходимого для перехода от насилия к принятию решений. В-третьих, применение силы, в соответствии с определенными правилами, в отношении тех граждан, которые оспаривают легитимность государства»². В дополнение к защите от внешней опасности и обеспечению легитимного порядка, в информационную эпоху эта монополия на насилие включает в себя и ту часть информационной политики, которая крити-

* Впервые опубликовано на английском языке на сайте *Danyliw Seminar on Contemporary Ukraine*. (University of Ottawa, 31 October 2014).

¹ Ghani A., Lockhart C. *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Structured World*. Oxford, 2008. P. 124-126.

² *Ibid.* P. 128.

чески важна для политического порядка, то есть – пропаганду во время войны. Правительство строго охраняет эту монополию как его основную функцию.

Вторая функция государства, административный контроль, опирается на «государственных служащих, которые ответственны перед гражданами и нанимаются на работу при помощи открытых процедур»³. Другими словами, эта функция принципиально связана с исполнением правил, описывающих работу и контролируемых (профессиональные карьеры госслужащих), и неконтролируемых (свободные выборы представителей и руководителей определенных органов власти) каналов ротации элит. Эта функция также является неотчуждаемой от ответственного правительства. В случаях невозможности или неспособности правительства сохранить свою монополию на эти функции, государство оказывается в ситуации «разрыва суверенитета», когда возникает разрыв «между суверенитетом де-юре [...] и фактической возможностью служить населению»⁴. Чем больше этот разрыв, тем меньше оснований для состоятельности государства.

Полная государственная несостоятельность – крайне редкий случай. Эта несостоятельность в полной мере возникает в момент «неспособности органов государственной власти осуществлять свои функции, в том числе, обеспечение безопасности граждан, уважение к верховенству закона, осуществление контроля, предоставление доступа к образовательным и медицинским услугам, а также поддержание экономики и прочей инфраструктуры»⁵. Гораздо менее редкими бывают ситуации временной несостоятельности правительства выполнять некоторые из своих основных функций. Такая частичная несостоятельность может привести к ситуации, когда политическая система неспособна обслуживать свое население; но есть и случаи, когда эта временная неэффективность перекрывается деятельностью неправительственных организаций, например, организациями гражданского общества.

Последний случай непосредственно касается политико-правовой ситуации, сложившейся в Украине весной 2014 года. После бегства президента Виктора Януковича и его ближайшего окружения из Киева 22 февраля 2014 года, а также перехода власти в руки политических лидеров, связанных с Майданом, беспорядочные функции государственной власти – и монополия на легитимное насилие, и административный контроль – исполняются при значительной поддержке, а временами и при руководящей роли пост-майданных ОГО. Украинское временное правительство (февраль – ноябрь 2014) отправляло две базовые функции государства вместе с гражданским обществом. На сегодня есть основания говорить о том, что ОГО принимали непосредственное участие в осуществлении пяти типов государственных полномочий в Украине:

³ Ibid. P. 131.

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ Giorgetti C. A Principled Approach to State Failure: International Community Actions in Emergency Situations. Leiden/Boston, 2010. P. 43.

Оборона: добровольческие батальоны противостояли российской интервенции и восстанию сепаратистов в юго-восточных областях;

Внутренняя безопасность: группы самообороны исполняли некоторое время полицейские функции в Киеве и малых городах Украины;

Пропаганда: группы активистов противостояли беспрецедентной российской антиукраинской пропаганде и лидировали в проукраинской пропаганде, поддерживающей целостность и независимость Украины;

Выборы: спорадические попытки создать альтернативные сети активистов, контролирующее установление результатов волеизъявления украинских граждан 26 октября 2014 года (день парламентских выборов);

Люстрация: продвижение идеи о необходимости смены кадров у власти.

Вмешиваясь в эти пять сфер отправления власти, ОГО сумели удержать страну от распада и обеспечили относительно плавный переход власти от одних Финансово-Политических Групп (ФПГ) к другим.

Тем не менее, во всех пяти функциональных сферах ответственности правительства организации гражданского общества играли двойственную роль. С одной стороны, они обеспечили выполнение публичного интереса в выживании украинской политики и преодолении февральского кризиса легитимности. Таким образом, украинское гражданское общество подтвердило смысл своего существования: гражданское общество выступило в интересах общества, либо принудив государственные учреждения к эффективному исполнению своих функций, либо временно приняв на себя реализацию этих функций. С другой стороны, гражданское общество перешло границы своей легитимности, совершая акты «прямого действия» и решая проблемы безопасности населения или ротации элит вместо правительства. «Прямое действие» и беспрецедентная политическая роль организаций гражданского общества создали парадоксальную ситуацию: гражданское общество снизило риски коллективного существования для украинцев, но создало новые угрозы для политического порядка в Украине.

Эта парадоксальность возникла в результате нарушения границы легитимности политического, экономического и гражданского «обществ». В данном случае анализа существующей ситуации в Украине я применяю модель, которую предложили Джин Л. Коэн и Эндрю Арато. Их модель описывает сотрудничество и конкуренцию групп, движений и институтов, составляющих политическое, экономическое и гражданское общество⁶. Таким образом, каждое «общество» имеет пределы своей легитимности, свои цели и институты, участвующие в структурировании политики. Эта модель была разработана специально для описания перехода посткоммунистических обществ. С ее помощью возможно описать, как процессы в каждом из «обществ» в совокупности проявляются в демократической трансформации государственного устройства в целом. В этой модели важно понимать, что приватные интересы «экономического общества» не позволяют

⁶ Arato A., Cohen J. L. *Civil Society and Political Theory*. Boston, 1997. P. 15-17.

прямо участвовать в публичном секторе; неучастие бизнеса в публичных процессах делает публичную сферу более способной к демократии.

Гражданское общество организуется вокруг публичных интересов сограждан и легитимизирует себя успешным отстаиванием этих интересов в общественно-политических движениях. Гражданское общество при этом не может подменять собой ни органы местного самоуправления, ни центральное правительство, работающие на принципах представительства, верховенства права и разделения ветвей власти. Модель показывает, что стабильный демократический результат возможен, если институты «обществ» не нарушают границы своей легитимности. Авторы, например, рассматривают случаи, когда гражданские движения могут привести к антидемократическому результату в ситуациях гражданского неповиновения⁷. В этих случаях ОГО вмешиваются в сферы ответственности правительства и корпоративного сектора.

Я принимаю модель Коэна-Арато, поскольку она предоставляет аргумент для прояснения легитимности ОГО в структуре демократической трансформации. В отсутствие официальных механизмов легитимации, таких, как, например, выборы или карьера в органах публичной администрации (или, в консервативном советском языке, на государственной службе), гражданская группа подтверждает свою легитимность достижением результата в отстаивании публичного интереса. Есть ряд публичных интересов – к примеру, честность выборов, обеспечивающих надлежащее представительство в парламенте, – которые нуждаются в дополнительных механизмах подтверждения качества процесса и его результата. Таким образом, доверие в политике возможно не только при надлежащем выполнении правил, описанных законами, или неформальных, но являющихся частью политической системы, но и при подтверждении качества со стороны ОГО. При этом, формальных рамок для существования ОГО нет; не все публичные процессы можно и нужно описывать. В идеале, эффективность и легитимность ОГО доказываются тем, что гражданские группы получают ресурсы для своего существования со стороны граждан-доноров. Таким образом, функции «сторожевого пса», сообщающего о состоянии дел в публичной сфере, являются ведущей идеей и ограничением для организаций гражданского общества. Однако, если «сторожевой пес» отвязывается и врывается в область политической конкуренции или функционирования госинститутов, это ставит под сомнение суверенитет правительства.

В 2014 году мы оказались в такой ситуации. Важными составляющими Майдана как гражданского протеста были демократические и освободительные цели. Взрыв гражданской активности привел к падению авторитарного режима. Тем не менее, в среднесрочной перспективе поход гражданского общества в царства власти и денег представляет собой риск не только для демократизации, но и для выживания украинской политики и экономики. Эта двойственность проявлялась в

⁷ Ibid. P. 566.

изменении поведения не только гражданских активистов, но и в двух других группах, которые долгое время были определяющими для развития Украины: политический класс и крупные экономические группы (олигархи).

Традиционно украинский политический класс относился к организациям гражданского общества либо как к агентам Запада, либо как к контрэлитам, подрывающим его правила. В то же время, лидеры гражданского общества и активисты не доверяли ни правительству, ни политикам. Однако с неспособностью политического класса адекватно реагировать на критическую ситуацию в Украине в прошлом году эта взаимная вражда превратилась в конкурентное сотрудничество. Правящие группы и некоторые представители гражданского общества создали специфические формы сотрудничества для решения проблем, критических для коллективного выживания.

Олигархические группы издавна презирали третий сектор как своих неудачливых соперников в борьбе за контролем над публичными институтами. После «оранжевой революции» украинские рентополучатели убедились в необходимости контроля за гражданским сектором и создали «частные благотворительные организации», которые успешно конкурировали с лидирующими общественными гражданскими организациями в их влиянии на правительство, органы местного самоуправления и международных доноров. В 2014 году, однако, олигархические группы признали эффективность ОГО и стали пытаться использовать их либо для увеличения прибыли своей коррупционной ренты или защиты существующей власти-собственности.

В моей статье я рассмотрю изменившиеся отношения и поведения трех групп: властные элиты, гражданское общество и олигархические группы. Я покажу, что выживание Украины в 2014 году зависело от гражданского общества, но властные функции, осуществляемые госорганами вместе с ОГО составляют риск для государственного строительства в среднесрочной перспективе.

Гражданское общество и политические группы как конкуренты-партнеры

В пост-майданной Украине есть пять функциональных областей, где ОГО получили очень глубокое влияние на политические процессы: оборона, внутренняя безопасность, пропаганда, выборы и люстрация. В каждой из этих областей мы видим изменение отношений, краткосрочный результат новых отношений политических групп, госорганов и ОГО, среднесрочные риски для политического порядка и стратегию правящих элит по использованию и контролю ОГО в своих целях.

Оборона и национальная безопасность

Сепаратистские восстания в Крыму, Одессе, Николаеве, Днепропетровске, Донецке, Луганске, Харькове, а также российская интервенция поставили Украину в ситуацию, которая могла привести к прекращению ее существования как политического субъекта. Отвечая на легитимный публичный интерес коллективного сохранения ввиду дефицита адекватного ответа со стороны украинского государства на внешнюю и внутреннюю угрозу безопасности украинского населения были созданы «добровольческие батальоны». Эти группы были организованы на основе сетей майданной самообороны. На сегодняшний день существует около 40 добровольческих батальонов (ДБ)⁸ с примерно 15000 добровольцев, которые принимают участие в борьбе с российской интервенцией и боевыми организациями сепаратистов в Юго-Восточной Украине.

Краткосрочный результат действий этих групп – защита территориальной целостности Украины. Весной 2014 года эти батальоны, получающие оружие, амуницию и провиант большей частью из пожертвований граждан, стали главной силой, эффективно противостоявшей сепаратистам и российским войскам на Донбассе. Со временем стратегическое значение добровольческих батальонов в российско-украинской войне уменьшилось, а армейских частей и подразделений МВД увеличилось. Однако тактическое значение ДБ остается высоким на протяжении всего периода с марта по ноябрь 2014 года.

Существование ДБ безусловно представляет риск для политического порядка в Украине. Батальоны являются автономными группами вооруженных граждан с низкой дисциплиной и слабым контролем со стороны госструктур. Существует вероятность того, что эти группы будут препятствовать законной работе органов власти или будут подрывать единство страны. Примером неподконтрольности батальонов может служить случай, произошедший (если верить СМИ) 11 августа 2014 году. В этот день офицер СБУ попытался получить доступ к мэру Артемовска, «арестованному» накануне бойцами батальона «Айдар». Батальон не имел прав для ареста или задержания граждан. Практика «самосуда» в прифронтной зоне была довольно распространена; но связь батальонов с органами безопасности позволяла отчасти контролировать ситуацию. Однако бывали ситуации, когда добровольцы не позволяли правоохранителям забирать «арестованных» подозреваемых граждан, сомневаясь в законности действий и честности офицеров. Согласно многим сообщениям, в этот день бойцы открыли огонь по офицеру СБУ, чтобы не позволить ему забрать арестованного мэра. О таком же случае сообщалось 27 июля 2014 года. В этот день произошло вооруженное столкновение

⁸ Их количество постоянно изменяется, старые батальоны распускаются или сливаются с армейскими организациями или структурами МВД, а новые возникают. Эта цифра – результат моих подсчетов, основанных на данных, полученных из СМИ и собеседований с добровольцами, волонтерами, собирающими средства для ДБ, и сотрудниками МВД.

бойцов отряда милиции «Альфа» с группой добровольцев батальона «Айдар» из-за арестованной группы сепаратистов.

Правящие элиты Украины не рискуют применять жесткие меры для наведения порядка в вооруженных силах, участвующих в т.н. АТО⁹. Правительство пытается контролировать добровольческие батальоны при помощи постепенного поглощения отрядов структурами Министерства обороны (МО), Национальной Гвардии, Министерства внутренних дел (МВД) и Добровольческого украинского корпуса. Так, например, батальон «Айдар» официально считается 24-м батальоном территориальной обороны Вооруженных сил Украины и подчиненным Минобороны, а батальон «Днепр-1» – полком МВД

В то же время идет вовлечение руководителей батальонов в политические группы. Так, по спискам созданной под парламентские выборы партии «Народный фронт» в Верховный Совет Украины прошли Андрей Тетерук (комбат «Миротворца»), Юрий Береза (комбат «Днепр-1»), Константин Матейченко (комбат «Артемовска») и Евгений Дейдей (координатор батальона «Киев-1»). Кроме того, от «Народного фронта» были выдвинуты 11 кандидатов из числа бойцов АТО. Точно также в списки своих партий на ведущие места были поставлены кандидаты-комбаты в Блоке Петра Порошенко, Радикальной партии Ляшко и ВО «Батькивщина». В некоторой степени и в ноябре 2014 влияние добровольческих батальонов на оборонный сектор Украины было велико, а контроль государства за ДБ незначителен.

Внутренняя безопасность

Группы Самообороны, мало скоординированной сети защитников Майдана, после бегства Виктора Януковича и продолжительного институционального ступора МВД исполняли полицейские функции в Киеве и малых городах Украины. К концу февраля 2014 года большинство подразделений Министерства внутренних дел оказалось неэффективным с точки зрения правоохранения. Часть отделов МВД непосредственно участвовала в ограничениях прав и свобод граждан в 2013-14. В общественном мнении милиция рассматривалась как репрессивный коррумпированный орган власти. После расстрела безоружных демонстрантов на улице Институтской в Киеве в феврале 2014 года гражданские группы самообороны взяли на себя правоохранительные функции в столице и ряде других городов Украины.

Самооборона Майдана была организована 1 декабря 2013 года. 7 февраля 2014 года в нее были включены локальные группы за пределами Киева, превратив

⁹ АТО – анти-террористическая операция – термин, используемый украинскими властями для придания юридического статуса войсковым операциям Вооруженных сил Украины и МВД на территории страны. Этот же термин использовался для описания операций МВД и СБУ против гражданских протестов на Майдане в 2013-14 годах.

Самооборону в общенациональную сеть. Разделенные на «сотни», эти группы осуществляли полицейские функции в пределах Майдана и в лагерях протестующих в других городах Украины. Позже, начиная с 22 февраля и до 11 марта 2014 г., 42 сотни Самообороны заменяли уличные отряды милиции в Киеве. Вне столицы, в некоторых малых городах, и по сей день эти группы функционируют как местная милиция или группы «дружин». Краткосрочным результатом деятельности «полицейских» отрядов Самообороны стало то, что в течение короткого периода эти группы обеспечивали безопасность граждан и местных общин. В небольших населенных пунктах эти группы частично слились с местной милицией или работают в группах поддержки общественной безопасности.

Без надлежащей подготовки, институционального надзора и дисциплины группы Самообороны со временем стали представлять некоторую опасность. К середине лета 2014 года группы Самообороны на киевском Майдане, потеряв своих наиболее активных участников, ушедших в АТО, стали одним из источников риска для благосостояния и здоровья киевлян. После долгих усилий и попытки восстания 7 августа на Майдане оставшиеся в Киеве отряды Самообороны были переселены на отдельный участок Печерска, что несколько успокоило ситуацию.

Стратегия правящих групп относительно Самообороны проявилась в попытках использовать группы активной организованной молодежи в своих целях. В мае – июле 2014 года группы Самообороны пытались взять под свой контроль – в обход государственных структур – отдельные политики. Кроме номинального главы Самообороны Андрея Парубия, попытки контролировать и использовать в интересах своих политических групп показали Сергей Пашинский, Олег Ляшко и многие другие.

5 мая Самооборона была преобразована в полу-полицейскую, полу-полицейскую сеть военизированных групп, признающих авторитет Андрея Парубия (в то время – секретаря Совета национальной безопасности). В течение лета сеть распалась, ее фрагменты вовлекались в разные местные и национальные политические проекты. К октябрю 2014 года Самооборона перестала существовать как значительная единая ОГО. Однако на местном уровне ее влияние все еще заметно. Так, например, в октябре 2014 г. запорожская Самооборона заявила, что она будет контролировать экологию в городе. Вслед за этим активисты попытались войти на территорию завода Запорожсталь, принадлежащего олигарху Ринату Ахметову. В серии интервью с запорожскими активистами звучало твердое убеждение, что эта активность Самообороны была в интересах Игоря Коломойского, олигарха и губернатора близрасположенной Днепропетровской области.

Пропаганда

Для углубления «украинского кризиса» правительство России использовало не только свои войска и созданные после «оранжевой революции» диверсионные сети, но и организованные в 2013-14 годах пропагандистские СМИ. Пропагандистские каналы, работающие на Запад, Украину и Россию, поспособствовали эффективности российской спецоперации против революционного Киева. При этом, ответных мер (пропагандистского и контрпропагандистского характера) украинские власти не предпринимали вплоть до июня 2014 года. Украинское правительство и по сей день не проводит эффективную политику, способную справиться с воздействием пропагандистских СМИ Кремля в Украине.

Неоспорим публичный интерес в сфере свободы слова и в том, чтобы у граждан был доступ к разным мнениям. На момент восстания и интервенции у украинцев был и легитимный публичный интерес уменьшить моральный и психологический ущерб, наносимый кремлевскими СМИ украинскому дезориентированному населению. На комплекс этих интересов ответило не правительство, а гражданское общество. Украинские майданные и пост-майданные ОГО сумели, пускай точно, но крайне эффективно противопоставить российской пропаганде проекты, разоблачающие лживость кремлевских сообщений.

Ярким примером контрпропагандистской работы является проект *Inforesist*, информационное сопротивление (inforesist.org). Разоблачения, размещенные на веб-странице этой группы, показывали абсурдность пропагандистских «новостей» *Russia Today* или *LifeNews*, или указывали на источники, откуда видео и фотографии из Египта, Сирии или Ливии использовались для фальсифицирования материалов об Украине. Эта группа работала преимущественно на украинскую русскоязычную аудиторию, хотя имела и скромную англоязычную версию.

Для информирования о событиях на Майдане были созданы общественные телеканалы, ярким примером которого является *Громадське ТБ*. Финансирование канала осуществлялось при помощи пожертвований зрителей. Передача сигнала – по мировой сети. Репортерами *Громадського ТБ* становились все желающие, находящиеся в гуще событий со своим смартфоном с видеокамерой. Этот канал и в после-майданное время – при конкуренции с олигархическими телеканалами *Интер* и *1+1* – сумел сохранить и зрителей, и влияние. Были и группы про-майданных интеллектуалов, работавших переводчиками статей и новостей из Украины для стран западной Европы. Среди них – англоязычная страница журнала *Критика*, группа *Евромайдан-пресс* с веб-сайтом и страничкой в ФБ (euromaidanpress.com) и многие другие. Краткосрочный результат действия этих групп состоял в ограничении влияния путинской пропаганды и создании эффекта недоверия или малого доверия к материалам *Russia Today* или *LifeNews*.

Среднесрочные риски для политического порядка в этой части малозаметны. По моему мнению, единственный риск связан с тем, что большей частью проек-

ты активистов утратили свою влияние, а правительство не создало ни одного эффективного института, готового вести информационную войну в будущем. Как и в марте 2014 года, контрпропаганда остается делом отдельных гражданских групп.

Стратегия правящих групп для контроля за гражданскими информационными проектами состояла в вовлечении части самых популярных журналистов и репортеров в свои избирательные списки, а также в создании «общественного телевидения», где доля государственного контроля была бы значительной. В первой части необходимые шаги уже привели к появлению в новоизбранном парламенте нескольких про-майданных журналистов. «Общественное телевидение» все еще в процессе разработки. Однако уже сейчас видно, что в правлении канала доля представителей бюрократов и политиков будет весьма значительной (впрочем, не определяющей).

Защита избирательных прав

В пост-майданный период даже при значительном давлении общества на Верховный Совет депутаты не смогли создать избирательный кодекс или хотя бы изменить правила для парламентских выборов. Во время кампании избиратели стали свидетелями того, что поведение кандидатов и финансово-политических групп в мажоритарных округах не изменилось. Ни способы агитации, граничащие с подкупом, ни подозрительные формы ведения подсчета и информирования Центральной избирательной комиссии не изменились. Влияние олигархических телеканалов на результаты общенациональной партийной кампании было решающим. В этой связи было естественно ожидать, что пост-майданные ОГО – отряды Самообороны, волонтерские организации – попытаются заставить элиты соблюсти хотя бы минимум приличий в конкуренции.

Важным публичным интересом является функционирование неконтролируемого канала ротации элит, прежде всего, выборов. При нарушении этого интереса государства зачастую попадают в зону несостоятельности из-за процессов, вызванных «электоральными революциями» – гражданскими восстаниями в ответ на попытки элит фальсифицировать выборы. Украинская «оранжевая революция» является примером такой реакции общества на неприкрытые манипуляции с президентскими выборами в 2004 году.

В 2014 году Украина пережила президентские и парламентские выборы. Если в первом случае регистрация, информационная кампания, голосование и подсчет голосов прошли в соответствии с законом, то на парламентских выборах многие процессы были далеки от соревновательности, законности и прозрачности. Несмотря на высокое доверие к старым специализированным мониторинговым гражданским организациям, например, «Пора», в областях Украины заметными

были попытки «прямого действия» групп активистов для обеспечения «законности» в их понимании.

Примером такой инициативы было создание «Избирательной самозащиты» (иначе «Избирательной сотни») в Черкасской области. 10 октября 2014 года патриотические ОГО Черкасс создали новый отряд «самозащиты» с тремя целями: (1) «защищать голоса людей», (2) «чтобы не позволить олигархам купить голоса», (3) контролировать соблюдение закона в «ночь подсчета»¹⁰. При этом выполнение инициативы было связано с поддержкой патриотических кандидатов в области и мало способствовало честности и прозрачности выборов.

Другой пример – подсчет голосов в 59-м одномандатном округе в Донецкой области. Тут в конкуренции участвовали ставленники двух крупнейших олигархических групп, ни одна из которых не собиралась признавать поражение. В течение нескольких дней и ночей милиция, контролируемая одной ФПГ, и добровольческий хорошо вооруженный отряд держали друг друга и членов комиссии под прицелом, не давая возможности ввести данные о голосах в электронную систему ЦИК. Аргументация «добровольцев» в масках относительно их участия в конфликте состояла в необходимости установления правдивых результатов волеизъявления избирателей округа. Однако действия обеих сторон препятствовали этому.

Участие ОГО, прибегающих к акциям «прямого действия», в избирательных процессах имело определенный негативный эффект на качество выборов в некоторых мажоритарных округах. Манипуляция добровольческими отрядами и отрядами Самообороны в интересах части кандидатов создавала условия для серьезных нарушений в установлении волеизъявления украинцев. Фактически, это ОГО были использованы для радикализации конкуренции среди кандидатов.

Пока реакция властных элит на участие пост-майданных ОГО в избирательных процессах невнятна. Правоохранительные органы не реагировали на эти инициативы, избегая публичных скандалов до и во время голосования. Остается возможность того, что новый опыт повлияет на депутатов нового созыва Верховной Рады и мотивирует их к созданию Избирательного кодекса и запуску избирательной реформы.

Люстрация

Обновление властных элит происходит и по контролируемому каналу ротации – карьерному росту на госслужбе. Существует легитимный публичный интерес в том, чтобы высшие посты в центральных органах власти занимали кадры, доказавшие приверженность законам и интересам страны. Люстрация является способом обеспечения такого позитивного отбора в ситуациях, когда развитие поли-

¹⁰ Цитаты записаны мною во время пресс-конференции организаторов «Избирательной самообороны» 10 октября 2014.

тической системы привело к значительному присутствию в госорганах людей с навыками и привычками, опасными для правопорядка и понижающими эффективность публичной администрации. В украинском общественном мнении люстрация является способом выведения из госслужбы людей, связанных с преступлениями Виктора Януковича и его окружения.

24 февраля 2014 года украинский парламент утвердил решение о подготовке люстрации. Несмотря на то, что это решение было принято в первые дни работы нового правительства, дальнейшие шаги политических групп, пришедших к власти после бегства Януковича, по проведению люстрации были отложены на семь недель. 9 апреля 2014 года Верховный Совет утвердил Закон о люстрации судей, наименее влиятельной властной ветви в пост-майданной Украине. Остальные шаги по люстрации были отложены до 9 октября 2014 года, когда сети активистов провели несколько показательных «актов люстрации», во время которых непопулярные политики или чиновники выбрасывались в мусорные баки. К моменту принятия люстрационного законодательства в Украине критерии люстрации были ограничены формальным присутствием человека определенный срок на государственной службе во время правления Виктора Януковича.

Со стороны майданных ОГО за процессом подготовки и проведения люстрации наблюдал Гражданский комитет по люстрации. Он был создан на Майдане 28 февраля 2014 года для контроля за действиями правительства и законодательных органов в этом отношении. Егор Соболев, бывший журналист и активист Майдана, возглавил комитет. Комитет был основан при участии активистов, желавших сотрудничать с парламентским комитетом и отделом Президентской Администрации, ведших подготовку люстрационных законов.

В результате сложной борьбы и не менее сложного сотрудничества были созданы и утверждены два закона о люстрации (судей и чиновников). Произошли некоторые изменения персонала в Кабинете министров, Администрации президента, МВД и в судебной системе. В то же время, из-за крайне неясных критериев люстрации этот процесс не обеспечивает контроля качества управленцев на высших постах страны.

При всем осторожном оптимизме относительно результатов люстрации в Украине необходимо отметить, что конкурирующие группы властных элит используют практики применения законов о люстрации для захвата новых постов в судебной и исполнительной ветвях власти. Это одновременно является и риском, порожденным для политического порядка люстрационными законами, и стратегией элит подчинить своим целям майданные идеи и практики.

Примером реализации этой стратегии является участие лидера Гражданского комитета по люстрации Егора Соболева в парламентских выборах как кандидата в партийном списке, где присутствует немало представителей олигархических групп. Участие авторитетных активистов в одних списках с сомнительными политиками и бизнесменами привело к тому, что многие идеи Майдана оказывают-

ся скомпрометированными, а в парламент прошли те, кто должен был бы быть отлучен от участия в отправлении государственной власти.

Описанные выше случаи показывают, как глубоко проникли пост-майданные гражданские инициативы в сферы исключительной ответственности государства. После шока политической системы, вызванного победой Майдана, правящие группы изменили своему обычному отстранению от гражданского сектора и пытаются восстановить монополию государства на насилие и прочие функции либо путем интеграции гражданских групп в правительственные институты, либо при помощи вовлечения лидеров ОГО в группы, контролирующие центры власти в Украине.

Рентополучатели и пост-майданные организации гражданского общества: неожиданные союзники

В 2014 году олигархические группы признали эффективность организаций гражданского общества в борьбе за контроль над центрами власти. Это признание привело к реструктурированию олигархических групп. Отсутствие формальных структур в таких группах приводит к их организационной гибкости. Традиционно в олигархические группы, чей интерес состоит в получении контроля за публичными постами, открывающими доступ к использованию публичных средств для приватной пользы и обеспечивающими защиту собственности-власти, входят: (1) несколько ключевых собственников, (2) лояльные публичные политики (отчасти первая и вторая группа могут совпадать), (3) чиновники в центральных и местных органах власти, (4) руководители правоохранительных органов, (5) влиятельные фигуры в судебной власти, (5) руководители ключевых предприятий, (6) иногда лидеры криминальных групп. За прошедший год эти группы включили в свой состав общественных активистов и лидеров значимых ОГО.

Многие финансово-политические группы, отстаивающие интересы крупных рентополучателей, изменили свои способы взаимодействия с организациями гражданского общества еще во времена начала Майдана. Уже в декабре 2013 были случаи, когда представители олигархических групп присоединились к Майдану и предоставляли активистам ресурсы без каких-либо предварительных условий. В пост-майданный период эти связи были увеличены с частью ОГО в связи с необходимостью в срочном порядке предоставить добровольческим батальонам боеприпасы и амуницию. Патриотическое поведение олигархов подарило им новую легитимность. Сегодня частью обычного поведения лидеров финансово-политических групп является поддержка добровольческих батальонов или армейских отрядов, а также многих других пост-майданных инициатив.

Ярким примером сотрудничества олигархической группы в пост-майданными ОГО является сращение структур группы «Приват» и некоторых добровольче-

ских объединений. Одним из собственников группы «Приват» является Игорь Валерьевич Коломойский, который возглавляет также Днепропетровскую областную государственную администрацию. Привлекая средства, отчасти из бизнес-структур группы «Приват», отчасти местного бюджета, частично – местных предприятий, покупающих лояльность губернатора, на финансирование пост-майдачных добровольцев, губернатору удалось выстроить тесные связи с сильнейшими добровольческими батальонами.

Из публикации в СМИ и бесед с добровольцами и сотрудниками правоохранительных органов Украины, мне удалось составить довольно достоверный список батальонов, связанных с группой «Приват»:

«Кривбасс» (комбат Мыкола Колесник, более 400 сотрудников, МО)

«Днепропетровск» (комбат Александр Рашевский, около 400 бойцов, МО)

«Днепр-1» (комбат Юрий Береза, около 400 бойцов, МВД)

«Днепр-2» (около 400 добровольцев, нынешний комбат неизвестен, МО)

«Артемовск» (комбат Костянтин Матейченко, 200 бойцов, МВД)

«Шахтерск» (комбат Андрей Филоненко, около 200 добровольцев, МВД), связующее звено между про-украинскими добровольцами Днепропетровска и Донецка

«Сичеслав» (комбат Владислав Портянко, около 150 бойцов, МВД)

«Правый сектор», пятый и девятый батальоны (комбат Чорный, около 200 добровольцев, официальная афiliation пока отсутствует)

«Шторм» (комбат Сергей Шестаков, по разным источникам от 300 до 500 бойцов, МВД), связующее звено между про-украинскими добровольцами Днепропетровска и Одессы

«Кременчуг» (комбат Олег Беркеля, около 120 добровольцев, МВД), связующее звено между про-украинскими добровольцами Днепропетровска и Полтавы.

Таким образом, один из богатейших людей Украины и губернатор Днепропетровщины имеет влияние, примерно, на 10 батальонов с 2800 бойцами.

Краткосрочный результат такого сотрудничества – хорошее вооружение, позволяющее эффективно бороться с силами интервентов и сепаратистов. Сотрудничество добровольцев и олигархов дает обеим группам большую независимость от государственных структур. Кроме того, у лидеров ФПГ появляется возможность для более эффективной борьбы за активы семьи Януковича и его ближайшего окружения, находящегося в изгнании.

Для стабильности политического порядка сотрудничество добровольческих батальонов и олигархических групп представляет немало рисков. Два из них могут иметь далеко идущие последствия: (1) большая независимость добровольческих батальонов от центрального правительства, могущая привести к «атаманщине», и (2) большая независимость олигархов от правительства, что может позволить создавать анклав своего исключительного влияния на территории Украины. В случае с Коломойским деятельность его группы привела к возникнове-

нию анклав предприятий, местных администраций и добровольческих военизированных групп в ряде областей на юге Украины.

Системное сотрудничество ОГО и олигархических групп представляет системный риск и для украинского гражданского общества, и для государства. Стратегия рентаискателей в сотрудничестве и конкуренции с ОГО может привести к коррумпированию третьего сектора и потере доверия к гражданским организациям.

Выводы

В пост-майданный период украинские общественные организации вошли в сферы исключительных полномочий государства. Среди этих сфер: (1) защита от внешней опасности, внутренняя безопасность, правоохранительная деятельность и информационная безопасность, критическая для политического порядка, а также (2) контроль за ротацией кадров в элитных группах, контролирующих центры власти. Существует немало организаций гражданского общества, возникших во время Майдана 2013-14 гг., которые участвуют в исполнении монопольных функций государства. Политические группы пытаются вовлечь лидеров ОГО в свои сети, а организации – слить с государственными структурами или поглотить их. В настоящее время усиливается сотрудничество части пост-майданных ОГО со старыми олигархическими группами. Это увеличивает вес олигархических групп во внутренней национальной и региональной политике, что приводит к усилению олигархического правления в Украине.

Усиление гражданского общества в Украине ведет к амбивалентным последствиям. Это заставляет правительство и властные элиты несколько более чутко реагировать на потребности граждан. Это усиление способствует коллективному выживанию граждан Украины. И это же ослабляет возможности правительства исполнять монопольные функции государства, ставя под сомнение его суверенитет.